

Л. Н. ПОЛУБОЯРИНОВА

(Санкт-Петербургский государственный университет)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕЦЕПЦИИ И. С. ТУРГЕНЕВА В АВСТРИИ

О влиянии И. С. Тургенева (1818—1883) на австрийских писателей-реалистов заговорили еще при жизни русского классика. В качестве его «последователей» или «подражателей» воспринимали тогда в первую очередь Леопольда фон Захер-Мазоха (Leopold von Sacher-Masoch, 1836—1895) и Карла Эмиля Францоza (Karl Emil Franzos, 1848—1904) [Glagau 1872; Goldbaum 1879]. В 1920—1930-е гг. данный ряд пополнился также именами Марии фон Эбнер-Эшенбах (Marie von Ebner-Eschenbach, 1830—1916) и Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833—1906) [Tabak 1926; Latzke 1935]. Все четыре автора¹ высказывались о Тургеневе в дневниках и письмах (по большей части исключительно почтительно). Эбнер-Эшенбах и Захер-Мазох даже обменивались с «великим русским мастером» письмами.

Несмотря на достаточное количество исследований, посвященных тургеневским «следам» в творчестве каждого отдельного из упомянутых авторов [Wytrzens 1982; Hellberger 2000; Polubojarinova 2006], сам феномен «особого» внимания австрийских «поздних реалистов» (Ф. Мартини) к Тургеневу, проявившегося как активное усвоение элементов содержания и поэтики его прозы, остается малоизученным. В частности, вне поля внимания исследователей остается то обстоятельство, что все четыре автора опирались на Тургенева в том числе и в организации повествования. Например, замечено, что К. Э. Француз (например, в «Ярмарке в Барнове» (“Markttag in Bagnow”, 1775), «акцентируя в описании природных ландшафтов Галиции и Буковины физическое присутствие рассказчика в пространстве повествования», «телесно удостоверяет аутентичность повествоваемого» [Strohmaier 2007: 29]. При этом, однако, упускается из виду тот момент, что данный элемент повествования у Францоza возникает в явной опоре на повествовательную манеру «Записок охотни-

¹ В ряде обзорных работ в числе австрийских тургеневцев упоминаются также такие забытые ныне авторы, как Якоб Юлиус Давид (Jacob Julius David, 1859—1906), Мориц Гартман (Moriz Hartmann, 1821—1872) и Нина Гофман (Nina Hoffmann, 1844—1914) [Latzke 1932; Wytrzens 1982].

ка». Очевидна эта опора также в многосоставном повествовательном проекте Захер-Мазоха «Наследие Каина» (“Das Vermächtnis Kains”, 1870—1877), в типе «новеллы воспоминания» (Erinnerungsnovelle), профилируемом Зааром, и в преимущественной ориентации Эбнер-Эшенбах на тип «повести» в противоположность традиционной немецкой «новелле» [Полубояринова 2011].

В качестве особенно релевантных в свете нашей постановки проблемы выступают те ориентированные на Тургенева элементы прозы австрийских авторов, которые выходят за пределы творчества отдельного писателя, указывая — на дискурсивном или поэтологическом уровне — на более общие структуры «австрийского тургеневизма». К числу подобных элементов относится, например, «постфеодальная» бинарная оппозиция «деревня — поместье», синдром нигилизма и сама фигура нигилиста, парадигматизированные Тургеневым фигуры «славянской женщины» («тургеневская девушка») и «лишнего человека», образ рассказчика-охотника и его нарративный потенциал, жанры «повести» и «стихотворения в прозе».

Новый взгляд на тургеневский компонент австрийской повествовательной прозы представляется необходимым также и ввиду изменившейся исследовательской ситуации. В отличие от традиционной литературной истории, ориентированной на концепцию «поэтического реализма», в работах последнего времени делается акцент на проблематике идентичности и повествовательных стратегиях, которые в текстах Эбнер-Эшенбах, Заара, Францоza и Захер-Мазоха оказываются близкими поискам венского модерна [Seeling 2008; Wagner 2005; Kobelt-Groch 2010; Giersch 2014; Polt-Heinzl 2014]. В частности, многократно отмечаемая в работах последнего времени открытость вышеозначенных авторов по отношению к проблематике Другого (в культурном, национальном, языковом и гендерном отношениях) в немалой степени коррелирует в их творчестве с влиянием Тургенева и в ряде случаев, как возможно предположить, выступает эффектом данного влияния.

Феномен «тургеневского бума» в Западной Европе и США давно стал общим местом тургеневедения [Генералова 2003; Lehmann 2015: 56—58; Gerigk 2015]. С общими местами и клише граничат также и общеизвестные историко-литературные характеристики Тургенева как «первого подлинного русского европейца», уникальной фигуры «культурного трансфера» и «посредника» между культурами (“*médiateur*” — [Espagne 2012: 80]) или же «провозвестника» «триумфального» успеха «великой русской литературы» на Западе.

Рассуждая о природе этого успеха, Д. И. Мережковский замечает: «Гений меры — гений Западной Европы. Европе и открылся Тургенев — первый из русских писателей. Несмотря на европейскую славу Л. Толстого и Достоевского, последняя русская глубина их остается Европе чуждою. Они удивляют и поражают ее; Тургенев пленяет. Он ей родной. Она почувствовала в нем впервые, что Рос-

сия тоже Европа» [Мережковский 2007: 475]. И добавляет в конце: «Пушкин дал русскую меру всему европейскому; Тургенев дает всему русскому европейскую меру» [Там же: 478].

Тургенев, в соответствии с данной логикой, — некий особенный «русский», русский, изначально ориентированный на западную публику, репрезентативный носитель адаптированной «для Европы» русской субстанции, и тем самым по своей сути — скорее европеец: француз или немец, — нежели русский. Таков лейтмотив и многочисленных западноевропейских рецензий на тургеневские издания, например, — если ограничиться немецкоязычным регионом, — обзорных статей и эссе Пауля Гейзе, Юлиана Шмидта, Фердинанда Кюрнбергера, И. Лорма, Отто Глагау и др.

С одной стороны, все перечисленные рецензенты не могли не отметить «чуждость» материала тургеневских повестей и романов западной публике. Ср., например: «В его новеллах представлена своеобразная галерея подлинно русских характеров, нам исключительно чуждая...» [Schmidt 1870: 441]; «...та простосердечная славянская набожность, о которой рассудочный Запад давно не имеет никакого понятия» [Kürnberger 1877: 108]. В качестве чужих и даже «чуждых» (“befremdend”) воспринимались, кроме того, такие «чисто славянские» феномены тургеневской прозы, как «общинный дух» (“Gemeinsinn”), «фатализм», «пессимизм» или «славянская меланхолия» [Lorm 1864]. После выхода в свет в 1865 г. немецкого перевода романа «Отцы и дети» (1862), в центре которого стояла фигура нигилиста Евгения Базарова, популярность обрела также формула «славянский нигилизм» [Eichholz 1931/32].

С другой стороны, рецензенты неизменно отдавали должное «пленяющим» (Мережковский) качествам формы и стиля тургеневских текстов, благодаря которым содержательно «чужие» (относящиеся к категории «Другого») феномены славянского Востока представлялись западному читателю близкими и знакомыми. Данный эффект был в немалой степени обусловлен литературными и философскими импликациями в прозе получившего «западное» образование и жившего по большей части в Западной Европе — в Германии, а после 1870 г. — во Франции — автора, широта и интенсивность западных контактов которого была феноменальной.

Так на рецептивном уровне «экзотические» русские крестьяне Хорь и Калиныч — «титulyные» персонажи первого очерка «Записок охотника» — вписывались в матрицу «наивного» и «сентиментального» мировосприятий, уже присутствовавшую в сознании образованной немецкой публики благодаря известному эссе Ф. Шиллера. Осознанный вначале как «типично славянское» мироощущение «пессимизм» тургеневских героев вызывал прямые ассоциации с учением А. Шопенгауэра [Kürnberger 1877: 107—108]. Даже, казалось бы, «аутентично русский» нигилизм Базарова оказалось возможным увязать с нигилистическими основами мышления персонажей Жан

Поля Рихтера, недаром данный мыслительный комплекс впоследствии бесконфликтно перетекает в несколько трансформированное понятие нигилизма у Фридриха Ницше [Thiergen 1993].

Приведенные примеры восприятия Тургенева немецкоязычной литературной критикой подкрепляют мнение Мережковского и позволяют сделать следующие два вывода. Во-первых, возможно предположить изначальную рецептивную ориентированность тургеневских текстов на западный дискурс «изобретения Восточной Европы» (термин американского историка Ларри Вульфа — “Inventing Eastern Europe”). Во-вторых, важен момент отмеченного многими западными коллегами по перу знаменитого «художественного мастерства» Тургенева как инструмента или медиума «переведения» (в данном случае подходящим оказывается термин «культурный трансфер») восточноевропейского «Другого» в «Свое» западноевропейского культурного сознания. Оба момента представляются в достаточной степени амбивалентными и имеют отношение к рецепции Тургенева в Австрии.

Первый момент включает имплицитно присущее тургеневским творениям артикулирование Восточной Европы как «Другого». Однако не в том варианте аутентичного специфического русского голоса, который бы хотелось подчас в нем усмотреть тургеневодам: «Благодаря Тургеневу Россия впервые рассказала о самой себе» [Генералова 2003: 209] — это как раз остается скорее иллюзией. Но — как конструирование для Запада на его собственном языке — восточноевропейского Другого через Тургенева. Именно так возможно истолковать слова Мережковского: «Тургенев дает всему русскому европейскую меру». Данная конструкция выполняет не столько для России, сколько для самого Запада важную (само)идентификационную функцию.

В Австрийской империи (с 1867 г. — «двойная» Австро-Венгерская монархия) потребность в «изобретении» или же оживлении культурных схем освоения восточноевропейского пространства была актуальна как никогда. В первую очередь, в отношении окраинных земель Австрии (“Kronländer”) с доминирующим славянским населением — таких, как Богемия, Буковина, Галиция и Волынь (Lodomergien), маркграфство Моравия и (до 1867 г.) Хорватия и Славония — в условиях острой полемики между наступательным германоориентированным либерализмом австрийских немцев, с одной стороны, защитниками многонациональной структуры Австро-Венгерской монархии под эгидой Габсбургов — с другой, и соответствующими националистическими движениями народов славянских окраин — с третьей. «Дискурсивирование» находившихся под властью Габсбургов восточных регионов, в том числе и в медиуме художественной прозы, представлялось австрийским авторам первоочередной задачей, во многом оттого, что было важно, выражаясь словами Л. Вульфа, «посредством открытия Другого обрести соб-

ственное самосознание» [Wolff 2004: 24]. Произведения Тургенева, приблизившие к западному читателю и тем самым помогавшие «осваивать» обширные славянские земли Восточной Европы, наделялись в данной ситуации важной ролью одновременно фермента и легитимирующей матрицы.

В биографическом аспекте и по материалу своих произведений все четыре ведущих тургеневидца Австрии были связаны со славянскими (с достаточно высоким процентом также и еврейского населения) окраинными габсбургскими землями. Так, действие центрального сборника повестей баронессы Марии фон Эбнер-Эшенбах, урожденной графини Дубской, «Деревенские и поместные истории» (“Dorf- und Schlossgeschichten”, 1883, 1886) происходит в Моравии, в тех местах, где она и сама появилась на свет в 1830 г. (в родовом замке Здиславиц). (Писательница бегло говорила по-чешски.) Этнографический интерес, связанный с репрезентацией национально-антропологических типов, нравов и обычаев Галиции и Буковины, находится в центре большинства произведений урожденных галичан К. Э. Францоza (в особенности его шеститомного собрания “Aus Halb-Asien: Land und Leute des östlichen Europas”, 1876—1890) и Л. фон Захер-Мазоха (прежде всего в его повествовательном цикле «Наследие Каина»). Будучи урожденным венцем, Заар, тем не менее, также активно обращается в своих «Новеллах из Австрии» (“Novellen aus Österreich”, 1877) к славянским габсбургским окраинам, в частности к Моравии и Богемии, известных ему по личному «гарнизонному» опыту офицера Австро-Венгерской монархии.

Осознание восточноевропейского «бескультурья» (“Unkultur”), сопровождаемое его критической, с элементами натурализма, художественной репрезентацией, неизменно сочетается у всех четырех авторов с иллюзионистскими идеями «реформирования» славянского Востока. Правда, пути подобной реформы писатели представляли себе различным образом. В то время как Француз считает единственно верным вариантом развития ориентацию на германоцентричную культуру вильгельминского Рейха, Эбнер и Заар верят в перспективу многонациональной конфедерации под эгидой Габсбургов, Захер-Мазоха же наиболее перспективной представляется активизация протокоммунистических импульсов, заложенных в славянской крестьянской общине (ср. его утопический проект в повести «Рай на Днестре» — “Paradies am Dnjestr”, 1877)². Общим остается одно: дискурсивно релевантными данные ориентированные на габсбургскую часть Восточной Европы проекты становятся во многом благодаря тургеневским художественным моделям.

² Ср. рассуждения Л. Вульфа об утопических импликациях галицийской прозы Францоza и Захер-Мазоха, связанных с установкой на «преобразование галицийского варварства» и «преодоление галицийской отсталости» [Wolff 2010: 111—116, 243—246].

В данной связи проясняется важность и второго аспекта тургеневской прозы в ее восприятии Западом, а именно — намеренное приглушение слишком явственной экзотики «восточноевропейских» сюжетов и мотивов. Иными словами, Тургенев поставляет (западным) европейцам специально отобранные «русские» сюжеты и мотивы в «европейски» культивированной форме. Данным обстоятельством в том числе объясняется давно отмеченная первостепенность для русского автора проблематики организации сюжета, выстраивания системы персонажей, всех аспектов поэтики и повествовательной техники. Немаловажен тот момент, что при всем интересе к тургеневской «изобретенной» Восточной Европе и при всем уважении к блестящей наррации автора «Первой любви» французские, английские, да и немецкие коллеги Тургенева по писательскому цеху не были настроены на непосредственное подражание русскому прозаику. Тургенев был для них в большей мере конгениальным коллегой по писательскому цеху, как для Г. Флобера, Э. Золя, Г. Джеймса, Т. Шторма, или равновеликим сильным соперником на европейском литературном рынке (как для Т. Фонтане).

В немецкоязычном пространстве отношение к Тургеневу выстраивается еще в зависимости от официальной культурной политики. Государственно легитимированная концепция «поэтического реализма» как «новой немецкой классики» предполагала в 1870—1880-е гг. в Германии ориентацию в первую очередь на отечественные литературные образцы — Гёте и Шиллера, — или из современных авторов — на Пауля Гейзе и Густава Фрейтага. Иной была ситуация в Австрии, где повествовательную прозу современного эпохе уровня только предстояло создавать. (Прозаические опыты Адальберта Штифтера и Франца Грильпарцера в реалистическую эпоху были основательно забыты; возрождение интереса к ним приходится уже на XX век.) В поисках собственного аутентичного пути, отличного от немецкого, австрийская повествовательная проза находит важный формальный и содержательный ориентир в произведениях русского автора.

Параметры, мера и специфика сочетания (не всегда бесконфликтного) данных тургеневских образцов с собственными прогабсбургскими (Заар, Эбнер), имперско-немецкими (Француз) и социально-утопическими (Захер-Мазох) интенциями австрийских авторов могли бы выступить предметом рассмотрения в ходе дальнейшего исследования данной темы.

Литература

Генералова 2003 — *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб., 2003.

- Мережковский 2007 — *Мережковский Д. С.* Вечные спутники. СПб., 2007.
- Полубояринова 2011 — *Полубояринова Л. Н.* К проблеме дифференциации жанров «новелла» (Novelle) и «повесть» (Erzählung) в немецкоязычной прозе XIX в. // *Новый филологический вестник.* 2011. № 1 (16). С. 96—104.
- Eichholz 1931/32 — *Eichholz J.* Turgenev in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883 // *Germanoslavica* 1 (1931/1932). S. 43—54, 557—559.
- Espagne 2012 — *Espagne M.* Ambre et fossile: Transferts germano-russes dans les sciences humaines XIX—XX-e siècle. Paris, 2012.
- Gerigk 2015 — *Gerigk H.-J.* Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute. Heidelberg, 2015.
- Giersch 2014 — *Giersch P.* Für die Juden, gegen den Osten?: Umcodierungen im Werk Karl Emil Franzos (1848—1904). Berlin, 2014.
- Glagau 1872 — *Glagau O.* Turgeniev's Nachahmer. Karl Detlef. — Sacher-Masoch // *Glagau O.* Die russische Literatur und Iwan Turgeniev. Berlin, 1872. S. 162—174.
- Goldbaum 1879 — *Goldbaum W.* Turgenjew's deutsche Jünger. Eine kritische Randglosse // *Mehr Licht.* Eine deutsche Wochenschrift für Literatur und Kunst 27 (1879). S. 424—425.
- Hellberger 2000 — *Hellberger M.* Die Rezeption von Ivan Turgenevs Tierdarstellungen im Werk Marie von Ebner-Eschenbachs und Ferdinand von Saars // *Russland — Österreich. Literarische und kulturelle Wechselwirkungen* / Hg. v. J. Holzner. Bern; Berlin, 2000. S. 97—126.
- Kobelt-Groch 2010 — *Kobelt-Groch Marion* (Hg.). Leopold von Sacher-Masoch — ein Wegebereiter der Moderne. Hildesheim, 2010.
- Kürnberger 1877 — *Kürnberger F.* Turgénjew und die slawische Welt // *Kürnberger F.* Literarische Herzenssachen: Reflexionen und Kritiken. Wien, 1877. S. 106—121.
- Latzke 1935 — *Latzke R.* Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Turgenew // *Pädagogischer Führer* 85 (1935). S. 402—412.
- Lehmann 2015 — *Lehmann J.* Russische Literatur in Deutschland: Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2015.
- Lorm 1864 — *Lorm H.* Iwan Turgenjews Erzählungen // *Österreichische Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und öffentliches Leben.* Bd. IV (1864). S. 1643—1647.
- Polt-Heinzl 2014 — *Polt-Heinzl E.* Was aber ist modern? Arthur Schnitzler und Peter Altenberg vs. Ferdinand Saar, Elise Richter oder Rosa Mayreder // *Visionen der Zukunft um 1900: Deutschland, Österreich, Rußland* / Hg. v. S. Taškenov u. a. München, 2014. S. 135—158.
- Polubojarinova 2006 — *Polubojarinova L.* Stoffe und Motive Iwan Turgenjews im Werk Ferdinand von Saars (unter besonderer Berück-

- sichtigung von "Ginevra") // Ferdinand von Saar: Richtungen der Forschung: Gedenkschrift zum 100. Todestag / Hg. v. M. Boeringer. Wien, 2006. S. 51—67.
- Schmidt 1870 — *Schmidt J.* Iwan Turgénjew // *Schmidt J.* Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit. Leipzig, 1870. S. 428—471.
- Seeling 2008 — *Seeling C.* Zur Interdependenz von Gender- und Nationaldiskurs bei Marie von Ebner-Eschenbach. St. Ingbert, 2008.
- Strohmaier 2007 — *Strohmaier A.* "Barnow in Halb-Asien": Zur Konstruktion des Raumes in den Texten von Karl Emil Franzos // Karl Emil Franzos: Schriftsteller zwischen den Kulturen / Hg. v. P. Ernst. Wien, 2007. S. 11—36.
- Tabak 1926 — *Tabak G.* Iwan Sergeewitsch Turgenjews Einfluß auf die deutsche Literatur. Diss. Wien, 1926.
- Thiergen 1993 — *Thiergen P.* Zum Problem des Nihilismus im I.S.Turgenevs Roman "Väter und Söhne" // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. 1993. Jahrgang XXXVIII, 2. N. F. XVII. München, 1993. S. 344—359.
- Wagner 2005 — *Wagner G.* Harmonisierung und Verstörung: Voyeurismus, Weiblichkeit und Stadt bei Ferdinand von Saar. Tübingen, 2005.
- Wolff 2003 — *Wolff L.* Die Erfindung Osteuropas. Von Voltaire bis Voldemort // Europa und die Grenzen im Kopf / Hg. v. K. Kaser u.a. Klagenfurt, 2003. S. 21—34.
- Wolff 2010 — *Wolff L.* The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford, 2010.
- Wytrzens 1982 — *Wytrzens G.* Zur österreichischen Turgenev-Rezeption bis 1918 // Wiener slawistisches Jahrbuch. 1982. S. 107—126.

ZUSAMMENFASSUNG

Zu einigen Aspekten der Ivan Turgenev-Rezeption in Österreich

Im Aufsatz wird der Versuch unternommen, der Turgenev-Rezeption in der österreichischen Erzählprosa der 2. Hälfte des 19. bis Anfang des 20. Jahrhunderts nachzugehen. Vertreten durch Marie von Ebner-Eschenbach, Leopold von Sacher-Masoch, Karl Emil Franzos und Ferdinand von Saar zeitigt diese Prosa in inhaltlicher Hinsicht wie auf poetologischem Niveau zahlreiche Spuren des Einflusses des russischen Autors. Im Zentrum der Betrachtung stehen Versuche der österreichischen Autoren, Turgenevs Prosa für die eigene Auseinandersetzung mit den habsburgischen slawischen Kronländern zu operationalisieren.